УДК 343.10

Дифференциация функций, задач, предмета деятельности прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением

Николай Сергеевич Дружинкин
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ppk.ppk90@mail.ru, SPIN-код: 4106-4701

Аннотация. Анализируются функции, предмет, задачи и процессуальные полномочия прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). На основе реализованного исследования отстаиваются выводы о диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности в деятельности прокурора на данном этапе функций надзора и уголовного преследования, которые телеологически определяют предмет оценки прокурора на этом этапе, непосредственные задачи оценки и собственно актов прокурорского реагирования. Оценивая основания для утверждения обвинительного заключения по делу или возвращения дела в следственный орган, автор критически оценивает позиции доктрины, по сути которых законодатель в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (якобы) закрепил единое, «обобщающее» основание для этого решения прокурора – необходимость и обязательность дополнительного следствия по делу. Автором, напротив, доказывается дифференциация и телеологическая самостоятельность оснований как для дополнительного следствия по возвращенному делу, так и для оснований, связанных с устранением нарушений закона, или выявленных недостатков в расследовании.

Ключевые слова: прокурор, функции, предмет оценки, обвинительное заключение, материалы дела, дифференциация оснований

Для цитирования: Дружинкин Н.С. Дифференциация функций, задач, предмета деятельности прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением // Правда и закон. 2025. № 1(31). С. 76–86.

Differentiation of functions, tasks, and the subject of the prosecutor's activity in the case received with the indictment

Nikolay S. Druzhinkin
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ppk.ppk90@mail.ru, SPIN: 4106-4701

Abstract. Analyzes the functions, subject, tasks and procedural powers of the prosecutor in a case filed with an indictment (Chapter 31 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Based on the implemented research, conclusions are defended about the dialectical relationship and interdependence in the prosecutor's activities at this stage of the functions of supervision and criminal prosecution, which teleologically determine the subject of the prosecutor's assessment at this stage, the immediate tasks of assessment and the actual acts of prosecutorial response. Assessing the grounds for approving the indictment in the case or returning the case to the investigative body, the author critically evaluates the positions of the doctrine, in fact, which the legislator in the norms of paragraph 2, part 1, Article 221 of the Code of Criminal Procedure (allegedly) fixed a single, «generalizing» basis for this decision of the prosecutor – the necessity and obligation of additional investigation in the case. On the contrary, the author proves the

© Дружинкин Н.С., 2025

differentiation and teleological independence of the grounds for additional investigation of the returned case, as well as the grounds related to the elimination of violations of the law or identified shortcomings in the investigation.

Keywords: prosecutor, functions, subject of assessment, indictment, case materials, differentiation of grounds

For citation: Druzhinkin N.S. Differentiation of functions, tasks, and the subject of the prosecutor's activity in the case received with the indictment // Truth and law. 2025. № 1(31). P. 76–86.

Объективный анализ предмета, задач и актов деятельности прокурора на этапе изучения (оценки) материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (гл. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ[1])), требует, прежде всего, определенности в вопросе о функциях последнего. По идее, этот вопрос не должен вызывать особых затруднений, так как по нормам ч. 1 ст. 37 УПК РФ к функциям прокурора на досудебном этапе отнесены как надзор за процессуальной деятельностью и актами органов предварительного расследования, так и осуществление функции уголовного преследования. Как известно, в силу нормативных новаций от 5 июня 2007 г. (Федеральный закон № 87-ФЗ[2]) прокурор существенно ограничен в выполнении как первой, так и второй указанной функции применительно к деятельности органов предварительного следствия. И, напротив, всецело сохранил свои надзорные и руководящие полномочия по отношению к такой форме предварительного расследования, как дознание. В итоге в доктрине нередко отстаивается тезис о том, что прокурор в настоящее время вообще не имеет легальных и достаточных средств к осуществлению как функции надзора, так и уголовного преследования применительно к процессуальной деятельности и актам органов предварительного следствия [1, 2].

Автор разделяет подобных позиций. При действительно объективном и системном анализе можно без труда выявить акты и полномочия прокурора как в контексте надзора за следствием, так и в контексте осуществления им функции уголовного преследования [3]. Это не предмет непосредственного исследования, как следствие, «вернемся» к стадии, урегулированной нормами гл. 31 УПК РФ. Полагаем, не предмет для «дежурных» повторов и исследование соотношения таких категорий, как «прокурорский надзор» и «процессуальный контроль». Во-первых, доктрина достаточно определилась в этих моментах [4, 5]. Во-вторых, если пояснения в отдельных моментах, отчасти, и актуальны, то это предмет самостоятельного и комплексного исследования, а не лапидарных «заметок» в контексте иного предмета анализа. В итоге отметим, что все апелляции к указанной функции и доводы «pro et contra» ее «возвращения» прокурору (с фактическим нивелированием новаций, введенных Федеральным законом № 87-ФЗ) [6, 7], есть либо непонимание, либо ложное понимание определяющих функций прокурора в уголовном процессе.

Автора интересует вопрос о том, какую или какие из функций осуществляет прокурор, реализуя свои процессуальные полномочия на этапе изучения (оценки) уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением. Суть проблемы заключается в том, что в зависимости от позиций того или иного исследователя, прокурор (по мнению, уголовно-процессуальной доктрины) на данном этапе:

– либо реализует исключительно функцию надзора, тем самым, осуществляя и руководство процессом предварительного расследования [8, 9];

– либо функция надзора и уголовного преследования в его деятельности отождествляются (содержательно смешиваются) обязательной акцентуацией, именно функции надзора – как определяющей и институциональной, по сути [10, 11];

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 20 марта 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] О транспортно-экспедиционной деятельности: Федер. Закон № 87-ФЗ от 30 июня 2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– либо за актами прокурора признается только функция надзора, а функция уголовного преследования «появляется» и осуществляется этим субъектом только тогда, когда он выступает в качестве государственного обвинителя по делу, поддерживая государственное обвинение в суде [9];

– либо деятельность и акты прокурора на исследуемом этапе – исключительно функция прокурорского надзора; что же касается функции осуществления уголовного преследования, то она объективируется (начинает осуществляться) исключительно в виду акта утверждения данным субъектом обвинительного заключения по делу [12–14].

Как представляется, подобное понимание и «дифференциация» функций прокурора на этом этапе во многом надуманы, ибо к процессу осуществления и взаимообусловленности реализуемых функций следует подходить с позиций таких категорий, как «средство» и «цель». В итоге становится очевидным, что по каждому элементу предмета независимой прокурорской оценки в наличии именно диалектика взаимосвязанных переходов от цели к средству (средствам) и от средства к цели, которые лишь взаимно дополняют друг друга. Указанное объективно являет себя, если, к примеру, обратиться к непосредственному предмету оценочной деятельности прокурора на этом этапе.

Так, оценивая, к примеру: произведено ли предварительное следствие всесторонне, полно и объективно и обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами, прокурор, с одной стороны, реализует функцию надзора, выявляя либо существенные нарушения закона, либо иные недостатки в фактической стороне расследования и реагируя на это, соответственно, актами прокурорского реагирования (надзора). С другой стороны, итоги как положительной оценки каждого из названных элементов, так и отрицательной: либо, суть, средство для инициации (осуществления) функции уголовного преследования в форме дополнительного расследования – изобличения обвиняемого; либо качественно новая форма осуществления данного преследования – в виде поддержания государственного обвинения.

Оценивая, предъявлено ли обвинение по всем установленным преступным деяниям обвиняемого, и привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые изобличены в совершении преступления, прокурор аналогично реализует как акты прокурорского надзора за качеством (полнотой, всесторонностью, объективностью) оконченного расследования, так и формирует предпосылки для законного и обоснованного разрешения этого обвинения в суде – как итоговой формы уголовного преследования.

Оценивая, правильно ли квалифицировано преступление, составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями УПК РФ, соблюдены ли при производстве предварительного следствия иные требования УПК РФ, прокурор аналогично реализует и акты надзора и создает предпосылки для реализации уголовного преследования в процессе – как должно: законно и обоснованно.

В итоге в деятельности, оценках и актах прокурора на этом этапе всегда телеологическое единство и диалектика двух неразрывно связанных функций. И только в единстве последних, которые, преобразуясь из средства в цель и из цели в средство, формируют оптимальный механизм движения процесса к его итоговой цели, можно и нужно исследовать, нормативно оптимизировать, практически и организационно обеспечивать роль и назначение прокурора на этом процессуальном этапе. И, напротив, если исходить из позиций тех исследователей, которые «наделяют» прокурора функцией уголовного преследования лишь по факту утверждения им обвинительного заключения, то этот субъект на досудебном этапе предстает как сугубо карательный (надзирающий) орган, «выжигающий» любую неправду процесса, но сам ничего для телеологического движения последнего не созидающий. Причем ровно до того момента, пока лично «не одобрит» итоговый

следственный обвинительный тезис своим утверждением, и не «возьмет на себя труд» его поддерживать, более не прибегая к «неактуальным» средствам надзора.

Между тем и первый, и второй посылы изначально надуманны. Так, отменяя (на досудебном этапе) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении или приостановлении производства по делу, адресуя управомоченным органам материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, прокурор реализует не только властные акты надзора, но и создает предпосылки для полного, всестороннего, эффективного уголовного преследования. В том же диалектически согласованном единстве им принимаются решения о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование, для изменения квалификации в следственном обвинении или изменения его в фактической части, устранения иных недостатков в производстве по делу. В итоге анализируя акты и полномочия прокурора по нормам ст. 221 УПК РФ, исходим из того, что на этом процессуальном этапе (стадии) прокурор: суть, субъект осуществления двух взаимосвязанных функций (надзора за законностью и обоснованностью досудебного этапа производства по делу и функции уголовного преследования).

Отсюда, если и должно акцентировать в актуальном анализе главенство той или иной функции и соответственно взаимосвязанных с ней актов прокурорского реагирования, то лишь для целей того, чтобы методологически точно обозначить, какой именно факт стал определяющим для каждой исследуемой ситуации. Почему именно он позволяет в первую очередь доминантно заявлять либо о функции надзора, либо о функции уголовного преследования на тот или иной конкретный момент.

По сути, по этим же исходным лекалам определен непосредственный предмет прокурорской оценки на этапе изучения материалов поступившего дела, который, как представляется, дает основание для дифференциации и самостоятельного анализа двух основных векторов в деятельности прокурора:

– во-первых, это деятельность и акты прокурора, связанные с проверкой-оценкой законности досудебного этапа уголовного судопроизводства на предмет выявления и, как следствие, актуального устранения тех нарушений закона, которые объективно препятствуют и внесению уголовного дела на рассмотрение суда первой инстанции, и собственно разрешению дела по существу;

– во-вторых, проверка-оценка прокурором непосредственно итогового следственного утверждения-тезиса (обвинения) о доказанной виновности обвиняемого. Причем, как в контексте акта властного его утверждения в качестве публичного уголовного притязания-иска к суду, так и для целей определения легальных предмета и пределов судебного разбирательства в контексте осуществления функции прокурора по поддержанию государственного обвинения перед независимым, объективным, беспристрастным судом.

Как представляется, основания для данной дифференциации указаны непосредственно в уголовно-процессуальном законе. По нормам ч. 1 ст. 221 УПК РФ прокурор (по итогам изучения и оценки как в целом материалов дела, так и собственно обвинительного заключения) вправе принять решение:

1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

Конвенционально оставим без комментария первый и третий вариант указанных выше решений, так как они достаточно точно и правильно поняты и восприняты практикой и, как правило, не вызывают коллизий в своем применении. И, напротив, попробуем последовательно и точно понять волю законодателя

применительно к варианту решения, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Речь по «букве» предложенной формулы:

– либо о едином (обобщающем) основании для акта прокурора о возвращении уголовного дела следователю для дополнительного расследования (по факту выявления системы или одного из нарушений приведенного в указанной норме «примерного перечня» как фактической основы для вынесения этого процессуального акта);

– либо об относительно самостоятельных основаниях, порождающих обязанность для следователя: то ли осуществить дополнительное предварительное следствие – для целей более полного и всестороннего исследования тех или иных обстоятельств предмета доказывания; либо обязывающих данного субъекта принять решение об изменении объема обвинения, юридической квалификации действий обвиняемого; либо требующих сугубо «технического» пересоставления обвинительного заключения, без существенного изменения сути и формулы самого обвинения; либо устранения отдельных или системы иных недостатков (нарушений) по делу, препятствующих внесению дела и обвинения в суд.

О том, что нормативная конструкция исследуемого предписания: реально проблема, объективно свидетельствуют позиции уголовно-процессуальной доктрины. Муллагалеева Л.Р., например, полагает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России в принципе не содержит ни понятия оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, ни перечня самих оснований. При этом под собственно основаниями исследователь понимает «такие допущенные следователем нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, без устранения которых уголовное дело невозможно направить в суд, а суду – вынести итоговое процессуальное решение по делу» [15].

Из тех же, по сути, концептов исходит К.А. Трифонова, которая утверждает, что «в УПК не регламентированы основания возвращения уголовного дела на дополнительное расследование прокурором… На практике возникают определенные проблемы применения норм данного правового института из-за неполноты и неточности соответствующих законоположений» [16].

Указанные исследователи однозначно исходят из того, что в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ законодателем сформулировано именно единое основание о возвращении дела на дополнительное следствие, а перечисленные непосредственно в предписании «нарушения-недостатки»: суть содержательные элементы этого «обобщающего» основания.

Еще более системно этот подход обосновывается в исследовании Р.Г. Кузьмина. Исследователь однозначен в посылах о том, что и изменение объема обвинения или юридической квалификации содеянного в обвинительном заключении, и устранение любых из нарушений закона или иных недостатков в расследовании, и собственно пробелы в исследовании фактических обстоятельств дела, все это исключительно предмет и содержание процесса дополнительного следствия по делу. В качестве решающих аргументов им системно приводятся доводы о том, что практически по каждому из названных элементов априори востребована система процессуальных или собственно следственных (познавательных) действий, направленных к устранению или исправлению выявленных нарушений закона. Как следствие, именно «…основание возвращения дела «для дополнительного следствия» является более общим по отношению к основаниям «изменение объема обвинения» и «переквалификация действий обвиняемых» [17]. Как решение-вывод исследователем обосновывается вывод о том, что «такие основания возвращения прокурором дела следователю, как «изменение объема обвинения» и «переквалификация деяния» не должны быть отдельными – их необходимо исключить из диспозиции указанной нормы как фактически входящие в другое, более общее основание» [17].

В итоге, если суммировать, автором предлагается единое основание для возвращения дела от прокурора к органу предварительного следствия: это императивность дополнительного следствия (исследования-изобличения) по делу. Однако в «поисках» собственно оснований для подобного возвращения дела автор в порядке de lege ferenda предлагает «вернуться» к нормам ст. 213 УПК РСФСР 1960 г. Именно нормы последней, как он полагает, регламентировали наиболее точный перечень оснований для возвращения дела от прокурора в следственный орган.

Последуем предложению автора и рассмотрим указанный «перечень». При поступлении дела от следователя с обвинительным заключением прокурор, как известно (при изучении-оценке материалов дела), был обязан проверить:

1) имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому, и имеется ли в этом деянии состав преступления;

2) нет ли в деле обстоятельств, влекущих прекращение дела;

3) произведено ли предварительное следствие всесторонне, полно и объективно;

4) обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами;

5) предъявлено ли обвинение по всем установленным предварительным следствием преступным деяниям обвиняемого;

6) привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые изобличены в совершении преступления;

7) правильно ли квалифицировано преступление;

8) правильно ли избрана мера пресечения;

9) приняты ли меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества;

10) выявлены ли причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли меры к их устранению;

11) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями настоящего Кодекса;

12) соблюдены ли органами предварительного следствия все иные требования настоящего Кодекса[3].

Как видим, посредством указанных предписаний законодатель нормативно урегулировал именно предмет непосредственной прокурорской проверки (оценки) по делу, поступившему с обвинительным заключением, но никак не перечень оснований для возвращения дела следователю на дополнительное расследование. Как следствие, по итогам проверки каждого из обстоятельств этого перечня, прокурор обладал правомочием либо к возвращению дела в следственный орган; либо прекращения производства по делу; либо изменения обвинения (с учетом оговоренных в законе условий); либо к инициативному составлению нового обвинительного заключения. Для каждого из указанных решений соответственно были предусмотрены «свои» основания, которые в обязательном порядке должны быть приведены и мотивированы в постановлении прокурора. Наконец, вряд ли обоснованно называть в качестве «оснований» для дополнительного следствия, к примеру, обстоятельства, приведенные в пп. 8, 9, 10 указанного предмета оценки, так как они фактически не оказывали влияния на законное и обоснованное разрешение по существу основного вопроса уголовного дела.

В настоящее время законодатель, как известно, отказался от подобного перечня, и оценка прокурора предстает «беспредметной», по сути. Кроме того, прокурор в принципе лишен правомочий к инициативному прекращению производства по делу, изменению обвинения, пересоставлению обвинительного заключения. В итоге если и следует апеллировать к нормам ст. 213 УПК РСФСР 1960 г., то лишь в контексте, действительно, актуального «примерного» перечня обстоятельств, регламентирующих предмет непосредственной проверки-оценки

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением. Но это никак не является основанием для возвращения дела в следственный орган; тем более по «единому» основанию.

По идее, более точно определяются в сути указанных оснований С.В. Векленко и В.Н. Авдеев. Несмотря на то, что авторы апеллируют исключительно к решению прокурора о возвращении дела на дополнительное следствие, – как наиболее «общему» основанию, – они все же приводят именно основания для указанного решения, а не предмет оценки прокурора в рамках изучения дела (ст. 221 УПК РФ). В итоге, исследователи предлагают дополнить нормы гл. 31 УПК РФ новой ст. 221.2 УПК РФ, с перечнем следующих обязательных оснований: 1) односторонность или неполнота проведенного предварительного следствия; 2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона; 3) наличие оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения, в том числе из-за неправильной квалификации действий обвиняемого; 4) наличие оснований для привлечения по данному делу в качестве обвиняемых других лиц, при невозможности выделить о них материалы дела; 5) неправильное соединение или выделение уголовного дела [18].

Признавая определенную рациональность именно такого подхода к определению оснований для возвращения уголовного дела в следственный орган, тем более имеющий под собой известную нормативную и судебную практику по нормам УПК РСФСР (1960 г.), выскажем все же возражения по сути именно подобного порядка решения исследуемой проблемы.

Во-первых, автор однозначно против установления изначально строгого и пресекательного перечня оснований (в контексте решения, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) в одной «обобщающей» статье уголовно-процессуального закона. Причины указанного в том, что как текущая следственно-судебная практика, так и позиции (прецеденты) высшей судебной инстанции России или правовые позиции пленума, будут постоянно дополнять, изменять, коррелировать перечень или суть указанных оснований. Это соответственно потребует постоянных и оперативных изменений в закон, что, как представляется, весьма затруднительно и вряд ли оправданно.

Во-вторых, отдельные из оснований носят настолько оценочный (субъективный) характер, особенно в части их существенности или возможности устранения отдельных из нарушений непосредственно судом (в рамках рассмотрения дела по существу), что говорить об их непререкаемой императивности никак не приходится [19].

В-третьих, система (потенциальных) оснований для возвращения дела в орган предварительного следствия так «распределена» законодателем применительно к отдельным из стадий, процессуальных институтов и производств, субъектов принятия решения, что даже попытка «объединить» их в рамках единой согласованной статьи изначально обречена. Обособленные основания «прокурорской» проверки и актов будут неизбежно дублироваться, дополняться, коррелироваться нормами-основаниями иных законодательных норм (к примеру, основаниями норм: ст. 237, 389.15, 389.17 УПК РФ). Между тем последние также оценочно должны быть приняты во внимание прокурором в рамках проверки, реализуемой по нормам ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

Как следствие, если и надо настаивать на указанных основаниях, их точном понимании, перечне, сути, то исключительно на основе объективных оценочных критериев, достаточно раскрытых и охарактеризованных уголовно-процессуальной доктриной, наработанных следственно-судебной практикой, имеющих основы в основополагающих нормах закона – как необходимого фундамента и ориентиров для субъектов оценки. И в этом контексте, безусловно, продуктивно и практически востребовано как «возвращение» к нормативно определенному предмету проверки

(оценки) прокурора в рамках ст. 221 УПК РФ (в виде отдельной статьи УПК РФ), так и актуальное формирование самостоятельной статьи гл. 31 УПК РФ с приведением примерных оценочных критериев и актуальных бланкетных отсылок к основаниям-нарушениям (п. 2 ч. 1 ст. 221, ст. 237, 389.15, 389.17 УПК РФ), влекущим безусловное возвращение дела в орган предварительного расследования на основе единых, согласованных нормативных подходов.

Столь же актуальна определенность в вопросе о том, насколько действительно в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ закреплены исключительно основания для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. Суть данной постановки вопроса заключается в том, что автор в принципе не разделяет акцентуации тех исследователей, для которых возвращение дела прокурором в орган предварительного расследования: всегда потребность именно в дополнительном следствии – как актуального процесса исследования тех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания. Соответственно, автор не согласен и с тем, что в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ закреплено именно единое, обобщающее основание, «поглощающее» иные возможные основания для возвращения дела и обвинительного заключения следователю, причем с императивным посылом к последнему об обязательном возобновлении и осуществлении процесса и актов дополнительного следствия.

На взгляд автора, акт возвращения уголовного дела следователю всегда связан с предметом и задачами непосредственной проверки-оценки прокурора на исследуемом этапе; сутью и назначением реализуемых им процессуальных функций; сутью нарушений (недостатков) в расследовании, выявленных прокурором и препятствующих постановке дела и обвинения на разрешение по существу, и, соответственно, нуждающихся в устранении как в контексте решения непосредственных задач исследуемого этапа, так и социально-нормативного назначения уголовного судопроизводства в целом. На это, как представляется, указывают и подходы законодателя в формулах тех предписаний, которые изложены в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Законодатель осознанно дифференцирует акты направления дела на актуальное дополнительное следствие по делу и акты, не требующие познавательной (исследовательской) деятельности органа предварительного следствия по дополнительному доказыванию тех или иных обстоятельств легального предмета исследования (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). В первом случае, действительно, акцентирующими, востребованными, процессуально-необходимыми средствами исполнения требований закона и указаний прокурора являются дополнительные следственные и иные процессуальные действия, реализуемые следователем по векторам обеспечения доказанности тех или иных обстоятельств предмета доказывания. Во втором, указания прокурора могут касаться отдельных нарушений закона или интересов и прав заинтересованных лиц, никак не связанных с его оценкой достаточной доказанности сути и формулы обвинения, но тем не менее также препятствующих постановке дела и обвинения на рассмотрение суда, как следствие, требующих своего устранения. Это, к примеру, может быть отсутствие подписи следователя или согласия руководителя следственного органа в обвинительном заключении; неразъяснение обвиняемому прав или сути альтернатив, предусмотренных нормами ч. 5 ст. 217 УПК РФ; отсутствие в материалах дела постановления следователя о невозможности выделения дела в отношении отдельных обвиняемых, возражающих на рассмотрение их дела судом с участием коллегии присяжных заседателей. Каждое из подобных нарушений никак не связано с сомнениями в достаточной доказанности обстоятельств, составляющих суть основного вопроса уголовного дела, как правило, их устранение не требует дополнительного осуществления необходимых познавательных» действий; сам процесс устранения во многом носит «технический», процедурный характер. Утверждать в этой связи, что это действительно дополнительное исследование отдельных фактических обстоятельств дела, на взгляд автора, нет оснований.

Ничего не меняет в этой «дифференциации» и ситуация, связанная, к примеру, с необходимостью составления и предъявления обвиняемому нового обвинения, его допросом по этому обвинению, соответственно, по пересоставлению итогового обвинительного заключения по делу. Признаем, в данном случае, действительно, реализуются дополнительные следственные, познавательные действия. На их основе нередко выносятся новые значимые процессуальные решения. Однако при этом ни к сути, ни к формуле обвинения, как правило, ничего существенного не «прибавляется». Утверждать, что и в этом случае органом предварительного расследования было осуществлено именно дополнительное исследование фактических обстоятельств дела, на взгляд автора, нет оснований. Акцентирующими, определяющими предстают именно действия и решения, направленные к устранению нарушений закона или отдельных недостатков в расследовании, следственные действия, реализуемые по указанным векторам, в этом процессе необходимые средства, не более.

В итоге остается только понять и признать, что как предмет оценки прокурора, так и его акты могут быть дифференцированы в зависимости от оценки и внутренней убежденности прокурора как по предмету оценки, так и по предмету тех нарушений закона и недостатков в расследовании, которые требуют разной формы следственной деятельности.

Список источников

1. Правовое положение следователя и прокурора в досудебном производстве (в рамках судебно-контрольных производств): монография / А.В. Сухинин [и др.]; отв. ред. А.В. Сухинин. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 30.

2. Гринюк Е.Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 8.

3. Ковтун Н.Н. Уголовное преследование в уголовном судопроизводстве России: исходная несостоятельность функции или субъектов, ее реализующих? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 20–25.

4. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 18.

5. Самсонов В.В. Прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль в досудебном производстве: автореф. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 18.

6. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 14.

7. Левченко О.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. С. 15.

8. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. С. 57.

9. Спирин А.В. О теоретических основах разграничения прокурорского надзора и процессуального (ведомственного) контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 54–60.

10. Гончаров Д.Ю., Веденеева К.А. Выравнивание надзорных полномочий прокурора по отношению к органам предварительного расследования // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2020. Т. 5. Вып. 1. С. 34–37.

11. Жубрин Р.В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 22–25.

12. Буланова Н.В. Осуществление прокурором уголовного преследования при утверждении обвинительного заключения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6 (8). С. 27–29.

13. Крюков В.Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность). Курск, 2012. С. 326.

14. Жук О.Д. Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 112–116.

15. Муллагалеева Л.Р. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 53, 54.

16. Трифонова К.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 16.

17. Кузьмин Р.Г. Процессуальные полномочия прокурора и следователя при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2024. С. 109.

18. Векленко С.В., Авдеев В.Н. К вопросу о нормативной регламентации оснований и порядка возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35). С. 19–23.

19. Ковтун Н.Н. Процессуальные нарушения, обусловливающие возвращение уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2006. № 8. С. 23–30.

References

1. Pravovoe polozhenie sledovatelya i prokurora v dosudebnom proizvodstve (v ramkah sudebno-kontrol'nyh proizvodstv): monografiya / A.V. Suhinin [i dr.]; otv. red. A.V. Suhinin. M.: Yurlitinform, 2014. S. 30.

2. Grinyuk E.N. Rol' prokurora v obespechenii prav uchastnikov ugolovnogo processa na dosudebnyh stadiyah: avtoref. dis. … kand. Yurid. nauk. Volgograd, 2018. S. 8.

3. Kovtun N.N. Ugolovnoe presledovanie v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: iskhodnaya nesostoyatel'nost' funkcii ili sub"ektov, ee realizuyushchih? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2019. № 3. S. 20–25.

4. Himicheva O.V. Konceptual'nye osnovy processual'nogo kontrolya i nadzora na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2004. S. 18.

5. Samsonov V.V. Prokurorskij nadzor i vedomstvennyj processual'nyj kontrol' v dosudebnom proizvodstve: avtoref. … kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2011. S. 18.

6. Sychev D.A. Soderzhanie i realizaciya prokurorom funkcij nadzora i ugolovnogo presledovaniya v dosudebnyh stadiyah ugolovnogo processa: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2016. S. 14.

7. Levchenko O.V. Ugolovno-processual'naya deyatel'nost' prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Ul'yanovsk, 2024. S. 15.

8. Savickij V.M. Ocherk teorii prokurorskogo nadzora v ugolovnom sudoproizvodstve. M.: Nauka, 1975. S. 57.

9. Spirin A.V. O teoreticheskih osnovah razgranicheniya prokurorskogo nadzora i processual'nogo (vedomstvennogo) kontrolya v dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1. S. 54–60.

10. Goncharov D.Yu., Vedeneeva K.A. Vyravnivanie nadzornyh polnomochij prokurora po otnosheniyu k organam predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo. 2020. T. 5. Vyp. 1. S. 34–37.

11. Zhubrin R.V. Ugolovnoe presledovanie kak funkciya prokuratury Rossijskoj Federacii // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2020. № 2 (76). S. 22–25.

12. Bulanova N.V. Osushchestvlenie prokurorom ugolovnogo presledovaniya pri utverzhdenii obvinitel'nogo zaklyucheniya // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2008. № 6 (8). S. 27–29.

13. Kryukov V.F. Prokuror v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii (istoriya i sovremennost'). Kursk, 2012. S. 326.

14. Zhuk O.D. Sootnoshenie ugolovnogo presledovaniya i prokurorskogo nadzora v dosudebnyh stadiyah ugolovnogo processa // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 12. S. 112–116.

15. Mullagaleeva L.R. Institut vozvrashcheniya prokurorom ugolovnogo dela sledovatelyu: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2021. S. 53, 54.

16. Trifonova K.A. Pravovoj institut vozvrashcheniya ugolovnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. S. 16.

17. Kuz'min R.G. Processual'nye polnomochiya prokurora i sledovatelya pri vozvrashchenii ugolovnogo dela dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2024. S. 109.

18. Veklenko S.V., Avdeev V.N. K voprosu o normativnoj reglamentacii osnovanij i poryadka vozvrashcheniya ugolovnogo dela prokurorom dlya proizvodstva dopolnitel'nogo sledstviya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 1 (35). S. 19–23.

19. Kovtun N.N. Processual'nye narusheniya, obuslovlivayushchie vozvrashchenie ugolovnogo dela prokuroru // Ugolovnyj process. 2006. № 8. S. 23–30.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 18.03.2025.
The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Информация об авторе
Н.С. Дружинкин – адъюнкт Нижегородской академии МВД России (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3).

Information about the author
N.S. Druzhinkin – associate professor at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Highway, 3).